

Петрова Светлана Владиславовна

ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ И РОЛЬ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА КАВКАЗЕ

Статья рассматривает геополитическую ситуацию, сложившуюся вокруг Южной Осетии после "Пятидневной войны", роль России в урегулировании грузино-осетинского конфликта. Основное внимание в статье уделяется определению тенденций в геополитической обстановке на Кавказе и налаживанию диалога между Южной Осетией, Россией и мировым сообществом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 133-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Пищальникова В. А. Мышление и речь // Пищальникова В. А. Общее языкознание: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 21-63.
6. Ручьевская Е. А. Слово и музыка // Анализ вокальных произведений: учеб. пособие. Л.: Музыка, 1988. С. 5-80.
7. Савенко С. И. Общие тенденции // История отечественной музыки второй половины XX века. СПб.: Композитор, 2005. 556 с.
8. Сохор А. Н. Музыка как вид искусства. Изд. второе, перераб. и доп. М.: Издательство «Музыка», 1970. 193 с.

WORD IN INSTRUMENTAL COMPOSITION: TEXTS INTEGRATION TYPOLOGY

Vladislav Olegovich Petrov, Ph. D. in Art Study

*Department of Music Theory and History
Astrakhan' State Conservatory (Academy)
petrovagk@yandex.ru*

In the article literary texts (word) typology used by composers in instrumental musical work is considered. The literary and musical texts synthesis within one composer's opus is conditioned by the common modernity aspiration for arts synthesis. Each of the four presented types has the range of examples in composer's creativity arsenal which are analyzed in the article.

Key words and phrases: modern music; arts synthesis; music and literature; instrumental composition with word as musical genre.

УДК 323/324

Статья рассматривает геополитическую ситуацию, сложившуюся вокруг Южной Осетии после «Пятидневной войны», роль России в урегулировании грузино-осетинского конфликта. Основное внимание в статье уделяется определению тенденций в геополитической обстановке на Кавказе и налаживанию диалога между Южной Осетией, Россией и мировым сообществом.

Ключевые слова и фразы: Южная Осетия; Россия; Грузия; геополитика; конфликт; постконфликтное урегулирование; тенденции в политике.

Светлана Владиславовна Петрова, к. полит. н., доцент

Кафедра философии и политологии

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела

solus46@mail.ru

ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ И РОЛЬ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА КАВКАЗЕ®

Сложившаяся после «Пятидневной войны» августа 2008 года новая ситуация на Южном Кавказе создала как потенциальные возможности и перспективы, так и новые угрозы и вызовы региональной безопасности и стабильному развитию. Вообще, такого рода кризисные ситуации, военные конфликты и форс-мажорные обстоятельства всегда повышают общие ставки в региональной политической игре, где степень возможных потерь и приобретений сторон значительно повышается. И в этом плане общая конфигурация и геополитический расклад внутренних и внешних акторов в регионе весьма напоминает ситуацию на Южном Кавказе начала 1990-х годов.

С распадом СССР Южная Осетия, в соответствии с принципом правопреемства, должна была автоматически войти в состав России (что и было подтверждено на референдуме 1992 года, на котором югоосетинский народ единогласно проголосовал за независимость Республики Южная Осетия и за ее воссоединение с Россией).

Политический конфликт перерос в вооруженное противостояние после упразднения Верховным Советом Грузии юго-осетинской автономной области 11 декабря 1990 г. и введения в автономии чрезвычайного положения. Власти Грузии ввели в Цхинвал подразделения милиции и национальной гвардии 6 января 1991 г., что привело к актам этнической дискриминации и геноцида, а также к вооруженной самообороне осетинского населения. С этим связана политическая позиция Южной Осетии – голосование региона на референдуме в марте 1991 г. за сохранение СССР. В условиях фрагментации и распада СССР способом сохранения этнической идентичности стал референдум о присоединении Южной Осетии к Российской Федерации (январь 1992 г.).

После референдума грузинское руководство сделало выбор в пользу силового решения возникшей проблемы. Можно сказать, что с этого момента начался второй этап в развитии южноосетинского конфликта – этап прямого вооруженного противостояния конфликтующих сторон. Он начался с установления широкомасштабной экономической, транспортной и информационной блокады вокруг Южной Осетии в целях нанесения ущерба ее экономике, исключая возможность реализации в жизнь идеи отделения.

В январе–апреле 1991 года правительством Гамсахурдиа в Южную Осетию направлены военные формирования, принадлежавшие различным грузинским политическим партиям и группировкам.

Народ Южной Осетии 19 января 1992 года практически единогласно (98%) проголосовал за провозглашение независимости Южной Осетии и ее воссоединение с Россией. По итогам референдума 29 мая 1992 года был принят акт, провозглашавший независимость Южной Осетии и создание самостоятельного государства.

8 марта 1992 года в качестве Председателя Госсовета Грузии в страну вернулся Эдуард Шеварднадзе, но политика Грузии в отношении Южной Осетии не изменилась.

24 июня 1992 года в Сочи было подписано четырехстороннее российско-грузинско-осетинское (с участием Северной и Южной Осетии) Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. Стороны обязались действовать согласованно в целях урегулирования этого конфликта в соответствии с принципами ОБСЕ и международными пактами в области прав человека. Лидеры двух стран поддержали направление в район конфликта многонациональных миротворческих сил, представленных заинтересованными сторонами. Основу контроля за соблюдением достигнутых договоренностей призвана была составить Смешанная контрольная комиссия (СКК) в составе представителей Северной и Южной Осетий, Грузии и Российской Федерации. Для реализации данных задач при Смешанной контрольной комиссии были сформированы Смешанные силы по поддержанию мира и правопорядка, а также образованы группы военных наблюдателей, которые были размещены по периметру зоны безопасности. В соответствии с этим Соглашением 14 июля 1992 года в зону конфликта были введены миротворческие силы, призванные контролировать соблюдение режима безопасности, состоящие из российского, грузинского и осетинского батальонов (последний финансируется МЧС Российской Федерации). Объединенные силы находились под российским командованием. Перед миротворческими силами были поставлены следующие задачи: обеспечить контроль за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и гарантировать режим безопасности в зоне контроля. Прекратились вооруженные столкновения, 18-месячная война в Южной Осетии завершилась.

В течение 1993–2003 годов предпринимались попытки политического посредничества в осетино-грузинском конфликте с участием миссии ОБСЕ, Грузии, Российской Федерации и Южной Осетии. Проводились встречи экспертов и дипломатических делегаций. В 1996 г. был подписан Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте.

Согласно этому меморандуму стороны договаривались относительно отказа использовать угрозу применения силы, а также политическое и экономическое давление, о постепенной демилитаризации зоны конфликта, необходимости обратиться к проблемам беженцев и по поводу прекращения преследования участников конфликта, которые не совершали военных преступлений. Этот документ имеет важное значение в деле мирного разрешения конфликта, так как закрепляет отказ сторон от применения силы или угрозы ее применения для достижения своих целей.

Вместе с тем, конфликт в Южной Осетии не получал конструктивного разрешения в виду явной несовместимости интересов сторон и может быть отнесен поэтому к «замороженным» конфликтам. Органы государственной власти Грузии отрицали само существование автономии Южной Осетии, не говоря уже о существующем де-факто независимом государстве. С другой стороны, Южная Осетия создала путем легитимных выборов и референдумов органы государственной власти, приняла Конституцию и сформировала политическую систему. С весны 2001 г. стороны из-за непримиримости позиций отказались от разработки документа о статусе Южной Осетии и гарантиях соблюдения мира.

Эскалация вооруженного конфликта в Южной Осетии связана с влиянием смены правящего режима Шеварднадзе в Грузии и технологий «цветных революций» на вооруженную конфронтацию. Хрупкая стабильность в Южной Осетии сохранялась лишь благодаря присутствию российских миротворческих сил, а в случае их вывода ситуация могла мгновенно выйти из-под контроля и обернуться новым всплеском конфликтов и угрожать безопасности российского Северного Кавказа. Это продемонстрировали события вокруг Цхинвала в 2004–2005 годах и в Кодорском ущелье в 2006 году.

Важную роль в урегулировании конфликта в Южной Осетии объективно призвана сыграть Россия, выступая в качестве посредника для проведения успешного политического диалога участвующих в конфликте сторон. Ни один президент Грузии не может сегодня отказаться от политических притязаний на Абхазию и Южную Осетию, не рискуя при этом своим постом. Нельзя не учитывать и того, что относительно Абхазии и Южной Осетии внутри грузинского политического класса и экспертного сообщества сложился консенсус. И «правые», и республиканцы, и лейбористы единодушны с главой Грузии в подходах к Абхазии и Южной Осетии.

Вот уже на протяжении многих лет Республика Южная Осетия является суверенным, демократическим государством, обладающим всеми признаками государственности: население, территория, демократически избранные органы власти. Этот статус стал следствием свободного самоопределения народа посредством общепризнанных международным правом демократических механизмов, результатом предпринятых юго-осетинским народом мер ради своего самосохранения.

В то же время для обеспечения полной стабилизации в зоне конфликта необходимо достижение соглашения между Грузией и Южной Осетией по политико-правовому статусу последней, решение вопроса о возвращении беженцев в места их прежнего проживания, принятие мер по восстановлению хозяйственной жизни в Южной Осетии.

Таким образом, необходимыми условиями урегулирования конфликта являются:

1. демилитаризация зоны конфликта (реализация принципа неприменения силы или угрозы силой);
2. признание геноцида и реабилитация его жертв;
3. налаживание доверия между сторонами и наличие международных гарантий как залога доверия;
4. социально-экономическая реабилитация региона;
5. достижение соглашения по политическому статусу Южной Осетии.

На досрочных президентских выборах в Грузии 5 января 2008 года победу одержал М. Н. Саакашвили. Одновременно с выборами был проведен референдум о вступлении Грузии в НАТО. Грузия усиленными темпами продолжала вооружаться, в том числе приобретать наступательное вооружение. Грузия является мировым рекордсменом по наращиванию военного бюджета, который за последние годы вырос в тридцать раз.

К лету 2008 года напряженность в зоне конфликта еще более усугубилась. Участились обстрелы и провокации в отношении Цхинвала и баз российских миротворцев. 7-13 августа 2008 г. конфликт приобрел интернациональный характер вследствие агрессии Грузии, сопровождающейся актами геноцида против мирного населения и нападением на Российских миротворцев.

Грузинское руководство попыталось силовым путем урегулировать политические противоречия, введя войска в Южную Осетию и начав операцию по установлению конституционного порядка. В ответ, чтобы защитить мирное население Южной Осетии, которое более чем на 90 процентов состоит из граждан России, РФ ввела войска на территорию Южной Осетии, начав тем самым операцию по принуждению Грузии к миру. В ходе вооруженного конфликта грузинской стороной были грубейшим образом нарушены ранее достигнутые международные договоренности по урегулированию грузино-осетинского конфликта, а также нормы международного гуманитарного права.

Несмотря на окончание активных боевых действий в Южной Осетии, а также признание Южной Осетии Россией, конфликт в Южной Осетии исчерпанным считать нельзя, по крайней мере, до тех пор, пока не будут выработаны механизмы, гарантирующие безопасность республики. Так, в интересах предотвращения конфликтов может быть предпринято превентивное развертывание российского военного персонала (с использованием специально подготовленного для этих целей военного, полицейского и гражданского персонала) в районе возможного противостояния в целях предотвращения эскалации напряженности, перерастания споров, разногласий и кризисов в вооруженный конфликт. На этапе постконфликтного построения мира воинские контингенты могут содействовать возвращению беженцев и перемещенных лиц, реинтеграции бывших участников вооруженных формирований в гражданскую жизнь, оказывать гуманитарную помощь, участвовать в разминировании территории и восстановлении инфраструктуры конфликтного региона и т.д.

По сути, в Южной Осетии проведен только первый этап операции по принуждению к миру – российские вооруженные силы остановили агрессию и не допустили массового истребления мирного населения. В то же время реальностью остается нестабильная обстановка в регионе – разрушена экономика и системы жизнеобеспечения, нарушены транспортные связи, сотни тысяч беженцев и перемещенных лиц живут в нищете на чужбине.

В таких условиях полномасштабное постконфликтное строительство не может быть достигнуто только применением воинских контингентов. Действия военных должны быть дополнены усилиями и руководства Южной Осетии по сотрудничеству и укреплению доверия, деятельностью посредников – политиков и дипломатов, эффективными мерами по развитию экономики, защите прав человека, обеспечению социальной справедливости, а также гарантированному демократическому развитию нового субъекта международных отношений. Эти меры невозможны без значительных затрат, затрат гораздо больших, чем те, что необходимы для поддержания мира.

Оптимальным вариантом развития процесса постконфликтного урегулирования, на наш взгляд, может стать трансформация текущих усилий России в комплексные, многоаспектные операции, осуществляемые под эгидой ООН, ЕС, СНГ, при широком участии в них военного, полицейского и гражданского персонала указанных организаций. Смещение акцентов в такой операции от поддержания мира к миростроительству позволит использовать потенциал вышеназванных организаций для принятия более эффективных мер по обеспечению организованного возвращения беженцев и перемещенных лиц, экономической реабилитации регионов.

Действия России по защите Южной Осетии и Абхазии обоснованы с международно-правовой точки зрения. У российской дипломатии в этом вопросе объективно есть довольно сильные позиции. Первый аргумент, оправдывающий действия российской стороны, таков. Согласно своему мандату, миротворческие силы России представляют собой заслон между враждующими сторонами. Но это не физический заслон, а заслон политический. В силу своей относительной немногочисленности, миротворцы заведомо неспособны пресечь подготовленное и массированное наступление одной из сторон. Однако нападение на миротворцев, согласно их мандату, считается нападением на то государство, которое они представляют. В этом смысле Россия реагировала не на агрессию Грузии против Южной Осетии, а на агрессию Грузии против России (в лице ее миротворцев). Оспорить правомерность этой реакции невозможно при признании очевидных фактов нападения на миротворцев. Второй аргумент в пользу российской стороны: грузинская сторона на территории Южной Осетии 7-10 августа совершала преступления против человечности. Задача обоснования дальнейшего российского присутствия в регионе первоначально решалась в рамках миротворческого мандата образца 1992 года. Но проблема в том, что вскоре после окончания «операции по принуждению к миру» этот миротворческий мандат исчерпан в международно-политическом смысле слова. В отличие от конфликта 1992 года, война 2008 года оценена наблюдателями не как грузино-югоосетинская, а как грузино-

российская война из-за Южной Осетии. В риторике официальных лиц США и ЕС этот сдвиг уже произошел, и он был вполне ожидаем. Россия объективно, невзирая на юридическую казуистику, стала одной из сторон конфликта, а не внешним силовым посредником в его разрешении. Возникла опасность, что мировое сообщество в лице США и, вероятно, ЕС будут настаивать на формировании новой миротворческой миссии в зоне грузино-российского конфликта.

Президент РФ Д. А. Медведев в телефонном разговоре с Президентом Франции Николя Саркози подчеркнул, что «в политическом плане агрессия Грузии обрушила процесс поиска мирных решений для урегулирования грузино-югоосетинской проблемы. Таким образом, по сути, руководство Грузии нанесло невосполнимый ущерб целостности собственного государства». Для России, как и для других сторон конфликта, сложилась ситуация, единственным приемлемым выходом из которой является официальное государственное признание Республики Южная Осетия и Абхазской Республики (без претензий на их вхождение в состав России в обозримом историческом будущем) со стороны Российской Федерации. Россия теперь сможет присутствовать в регионе в качестве военного гаранта независимости и территориальной целостности двух новых государств по инициативе/просьбе народов и законно избранных властей этих государств. Перечислим основные последствия этого решения (как положительные, так и отрицательные). Для внутренней политики и российской государственности:

- укрепление авторитета государства, его основных институтов в масштабах всей Федерации;
- укрепление позиций президента Дмитрия Медведева как нового, сильного лидера страны, способного на масштабные решения национально-исторического значения; важно отметить, что Владимиру Путину, несмотря на его имидж «силовика» и «решительного лидера», за восемь лет президентства ни разу не пришлось принимать столь масштабных позитивных решений;
- импульс к консолидации вокруг нового президента РФ той части элит, которая сегодня относится лично к Медведеву прохладно;
- укрепление моральных и политических позиций федеральной власти в российских регионах Северного Кавказа;
- приобретение Москвой юридически обоснованных и выполнимых обязательств по восстановлению социально-экономической жизни Южной Осетии и Абхазии;
- повышение авторитета федеральной власти в армии, создание новых предпосылок для реальной (а не исключительно пропагандистской, как в 2000–2008 гг.) модернизации Вооруженных сил страны;
- относительное ослабление сегмента правящей элиты, который проводит линию на ослабление геополитических позиций России как средства легализации представителей этого сегмента и их капиталов на Западе;
- создание существенных предпосылок для реальной (а не мифической) элитной модернизации, так как для обеспечения интересов России в новой реальности, которая сложится после признания Южной Осетии и Абхазии, потребуются действительно новые, инакомыслящие кадры;
- импульс к переходу от парадигмы утилизации советского наследия, в рамках которой, преимущественно, живет и действует правящая элита современной России, к парадигме модернизации, подразумевающей построение нового, современного, в полной мере независимого российского государства, преодоление транзитного постсоветского синдрома, который был и остается определяющим для государственности РФ с 1992 г.

Для внешней политики и положения России на международной арене:

- восстановление в элитах стран бывшего СССР утраченных за последние годы представлений о том, что Россия в состоянии гарантировать интересы своих союзников и потому вновь может рассматриваться в качестве одного из центров консолидации на евразийском хартленде (пространстве бывшей российско-советской Империи);
- долгосрочный конфликт с Грузией, вероятно – разрыв дипломатических отношений; высокая вероятность создания базы НАТО в Грузии; впрочем, все это произойдет в том случае, если Грузия, со своей стороны, откажется признать Абхазию и Южную Осетию и тем самым открыть для себя самой качественно новые политические перспективы, включая членство в НАТО;
- вместе с тем, замедление движения Грузии в НАТО (заявления о том, что конфликт в Южной Осетии серьезно осложняет продвижение Грузии в НАТО, звучат уже не только из уст западных аналитиков, но и из уст официальных представителей стран альянса, в частности, именно об этом заявил 11 августа министр иностранных дел Италии Франко Фраттини); при этом Грузия может оказаться в НАТО достаточно быстро, если, вслед за Россией, признает независимость Абхазии и Южной Осетии и положит тем самым конец неурегулированным конфликтам на своей территории; необходимо еще раз отметить, что в известном смысле признание Южной Осетии и Абхазии выгодно не только для этих стран и России, но и для Грузии как несостоявшейся мини-империи;
- дополнительный импульс к упрочению политической оси Киев–Тбилиси, к трансформации рыхлого и полужангового (на сегодняшний день) объединения ГУАМ в полноценный военно-политический альянс;
- ослабление влияния России на политическую элиту Украины и Украину в целом; возможно, обострение ситуации вокруг Черноморского флота в Крыму; активизация процесса создания базы НАТО на Украине; возможно, ускорение членства Украины в НАТО; в то же время, следует понимать, что у России сегодня нет принципиальных рычагов, с помощью которых можно было бы остановить движение Украины в НАТО; реальным препятствием на пути евроатлантической интеграции этой страны является лишь позиция ее народа, свыше 60% которого по-прежнему выступают против НАТО; решение России о признании Абхазии и

Южной Осетии консолидирует антинатовскую и пророссийскую часть украинцев и, таким образом, отчасти компенсирует уменьшение влияния Москвы на украинские элиты;

- достаточно жесткий дипломатический и риторический конфликт с США и странами ЕС; возможно, временное понижение уровня дипломатических отношений с некоторыми государствами;
- инициирование жесткой антироссийской резолюции в Совете безопасности ООН: впрочем, подобная резолюция будет заблокирована РФ при вероятном нейтралитете Китая;
- настороженность со стороны Китая, имеющего неурегулированную проблему «непризнанного государства» в лице Тайваня и проблемы с сепаратистами в Тибете и Синьцзян-Уйгурском регионе, а также со стороны Казахстана как современного экономического патрона и крупнейшего инвестора Грузии (эта настороженность, однако, не будет иметь долгосрочных негативных последствий для российско-китайских и российско-казахстанских отношений, т.к. дружественное партнерство с Россией в ряде сфер остается в любом случае весьма важным для двух этих государств, а признание Абхазии и Южной Осетии не затрагивает прямо их жизненно важные интересы).

Для Европейского Союза стабилизация в регионе, которой, несомненно, будет способствовать российское решение о признании де-факто государств, объективно важна. Вашингтон, как обычно, не прочь поиграть в управляемый хаос. Но его интерес в стабилизации тоже присутствует – это трубопроводные маршруты транспортировки энергоносителей из Центральной Азии, главными из которых являются нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум (по которому, в случае постройки Транскаспийского газопровода, среднеазиатский газ выйдет на европейский рынок). Для безопасности этих маршрутов требуется не хаос, но долговременная стабильность. Именно на основе принятого решения о признании и фактической демаркации сфер влияния с Западом в Кавказском регионе Россия сможет предоставить своим партнерам все необходимые гарантии безопасности проложенных по территории Грузии трубопроводных маршрутов (таковые, разумеется, не пролегают через территорию Абхазии и Южной Осетии). Эти транзитные проекты не несут угроз национальной безопасности России. Поэтому Москва не может и не должна противостоять им на военно-стратегическом уровне, но исключительно на геоэкономическом. Кроме того, как уже было сказано, с точки зрения национальных интересов, наша страна заинтересована не в постоянном наращивании экспорта энергоносителей, а в оптимизации их использования внутри страны, в т.ч. в целях создания новых и возрождения старых перерабатывающих производств, т.е. использования естественных конкурентных преимуществ России для реиндустриализации страны и предоставления жителям РФ возможности пользоваться достаточно дешевыми энергоносителями. Наконец, не надо забывать, что Западу Россия интересна как партнер в той мере, в какой она подтверждает свой статус и свой потенциал региональной державы. Именно формирование полноценной, ответственной геополитической субъектности Москвы может стать дорогой к тем равноправным и ответственным отношениям с Западным миром, к которым стремится наша дипломатия.

Россия как государство, признавшее независимость Южной Осетии, и исторически одно из самых влиятельных государств в регионе, должна выступить гарантом безопасности и стабильности. Признанию международной правосубъектности Южной Осетии другими акторами международных отношений будет способствовать скорейшая интеграция Южной Осетии в мировое сообщество, что позволит Республике стать связующим звеном между Закавказьем и Россией.

Список литературы

1. **Гареев М. А.** Стратегическое сдерживание – важнейшее направление обеспечения национальной безопасности // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2008. № 19 (364).
2. **Дзанайты Х. Г.** Национальная доктрина Аляски – XXI век: этнополитическое исследование. М.: Наука, 2005. 396 с.
3. **Доктрина информационной безопасности Российской Федерации** // Российская газета. 2000. № 87. 28 сентября.
4. **Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России.** Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 254 с.
5. **Казакова М. Н.** Политико-территориальные аспекты национальной безопасности России в условиях политической трансформации в постсоветский период: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2004. 24 с.
6. **Останков В. И.** Военная безопасность России в начале XXI столетия. М.: Вече, 2007. 386 с.
7. **Чемхильгов К. Б.** Система национальных интересов России на Кавказе. М.: Наука, 2008. 296 с.

GEORGIAN-OSSETIC CONFLICT AND RUSSIA ROLE IN SETTLING POLITICAL SITUATION IN CAUCASUS

Svetlana Vladislavovna Petrova, Ph. D. in Political Science, Associate Professor

*Department of Philosophy and Political Science
Sochi State University of Tourism and Health Resort Business
solus46@mail.ru*

The article considers the geopolitical situation around South Ossetia formed after “Five-Day War” and Russia role in settling Georgian-Ossetic conflict. Special attention is paid to determining the tendencies in geopolitical situation in Caucasus and dialogue formation between South Ossetia, Russia and world community.

Key words and phrases: South Ossetia; Russia; Georgia; geopolitics; conflict; post-conflict settling; tendencies in politics.